

УДК 81'1

Ирина Степановна Куликова,
Диана Валентиновна Салмина
г. Санкт-Петербург

Функции метафор-синонимов в научной речи

В данной статье предлагается описание синонимии метафор, выполненное на материале текстов А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Б.М. Гаспарова, Ю.С. Степанова. Внутритекстовая синонимия и интертекстовые метафорические переключки развёртывают и разъясняют базовые понятия научной концепции вплоть до терминологизации, выполняя гносеологическую и одновременно коммуникативно-прагматическую функции пояснения, уточнения (взаимоуточнения), интенсификации. При этом синонимия метафор не просто лексически обогащает текст, но участвует в текстообразовании.

Ключевые слова: внутритекстовые метафоры-синонимы, интенсифицирующая функция, интертекстовые метафорические переключки, синонимические цепочки метафор, терминологизация, функция пояснения, функция уточнения (взаимоуточнения).

Irina Stepanovna Kulikova,
Diana Valentinovna Salmina
St. Petersburg

Functions of metaphors-synonyms in scientific speech

The article offers a description of the synonymy of metaphors, based on the material of texts by A.A. Potebnya, V.V. Vinogradov, B.M. Gasparov, Yu.S. Stepanov. Intratextual synonymy and intertextual metaphorical responses expand and explain basic concepts of systems of scientific views up to terminologization, performing epistemological and simultaneously communicative-pragmatic functions of explanation, clarification (mutual explanation), and intensification. At the same time, the synonymy of metaphors not only lexically enriches the text, but also participates in text formation.

Keywords: Intextual metaphors-synonyms, intensifying function, intertextual metaphorical responses, synonymic chains of metaphors, terminologization, function of explanation, function of clarification (mutual explanation).

Использование метафор в научном тексте имеет несколько направлений. Их подробное описание предлагается в монографии Н. А. Мишанкиной. Ссылаясь на авторитетных исследователей функционирования метафоры в научной сфере (Ортега-и-Гасет, В. В. Петров, И. А. Дмитриева), исследователь выделяет в зависимости от того, какую «стратегическую функцию выполняет метафорическое выражение», два типа научных метафор: **коммуникативную метафору**, выполняющую «функцию опосредования знания, <...> соединяя старый и новый опыт при передаче в коммуникации», и **базисную** (когнитивную) **метафору** как «гносеологический механизм» [7, С. 79]. О том, что при определённых условиях метафора «может стать самостоятельной силой текстового развития, обуславливая рематическое развитие текста, аспектацию названного объекта, характер введения новой информации», рассуждает З. И. Резанова [8, С. 82-83].

В данной статье предметом исследования является участие метафор-синонимов в лексическом обогащении научной речи и текстообразовании, что, с нашей точки зрения, позволяет метафоре совмещать обе функции, хотя в различных случаях возможно преобладание одной из них. Так, **коммуникативными** являются метафоры-синонимы, используемые – традиционно для синонимов – во избежание повтора. Например: *Это перераспределение значений ведёт к полному отмиранию глагола ποιει <...> Отпадению, утрате слова ποιει <...> содействуют также неудобство создавшейся омонимии...* [2, С. 91] – ‘утрата, потеря’; *Сам факт притяжения*

отмеченных нами коммуникативных фрагментов друг к другу, служащий предпосылкой их объединения, обусловлен наличием между ними ассоциативных тяготений «по смежности»... [3, С. 163], где отражённая в словарях узловая синонимия *притягиваться / тяготеть* распространяется с прямых значений на переносные – ‘сближение’. В наших материалах подобных примеров мало, причём референция таких метафор тождественна в пределах предложения или даже в разных, хотя и близко расположенных предложениях, но при этом метафоры не образуют последовательной цепочки.

В то же время именно **цепочки метафор**, занимающих позицию однородных членов в составе многочленной синтагмы, весьма распространены в работах лингвистов, хотя функция метафор-синонимов в этом случае может быть различной. Так, во фрагменте монографии А. А. Потебни «Мысль и язык» *«Дробность, дискурсивность приписываемая языку, создала тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, уже не выходим»* [7, С. 152] метафора *дробность* в постпозиции к специальному термину классической философии выступает в **пояснительно-вводящей функции**; это особенно важно для современного читателя, поскольку у Потебни термин *дискурсивность* использован традиционно для середины XIX в. – как последовательный переход от одного дискретного шага мысли к другому (ср. *дискретный* – ‘прерывистый, дробный, состоящий из отдельных частей’ [МАС]).

Иное положение наблюдаем во фрагменте монографии М. Б. Гаспарова «Язык, память, образ.

Лингвистика языкового существования», где термин *контаминироваться* ('смешиваться, соединяться') хорошо известен специалистам, адресатам книги, и не нуждается в пояснении: *...различные фрагменты языкового материала <...> имеют самую разную протяжённость, <...> ассоциативно контаминированы друг с другом, перетекают друг в друга* [3, С. 70]. Авторская метафора на основе прямого значения глагола *перетекать* 'течь, перемещаясь из одного места в другое' выполняет в этом случае не поясняющую, а уточняющую функцию, вписывая понятие «контаминация» в принципиально важный для автора и проходящий через всю книгу образ текучести языковой среды.

Именно **уточняющая (восполняющая) функция** типична для цепочки метафор. Приведём несколько примеров: *...возросший навык верного и смелого расчленения понятий тоже может повести к распаду слитных единств, в которых есть и яркая образность, и жизненность, но которые мало приспособлены для выражения подвижных и гибких смысловых сочетаний* [4, С. 155] – вторая метафора в цепочке привносит в общий смысл 'легко изменяющийся' сему 'применяющийся к условиям'; *...к натуралистической манере воспроизведения, освобождённой от «грязной», «низкой» струи* [2, С. 51] – интегральная сема двух языковых оценочных метафор 'безнравственный' ('оскорбляющий нравственное чувство'), при этом метафора *низкий* переключается с лингвистическим термином «низкий стиль», что придаёт образу в научном тексте большую строгость; *Наши мнемонические языковые ресурсы представляют собой не неподвижную упорядоченность складского помещения, но притягивающих друг друга, перетекающих один в другой, резонирующих друг с другом смысловых образов* [3, С. 109] – интегральная сема 'взаимодействие', разнообразие которого показано трёхчленной цепочкой метафор с привнесёнными из исходных прямых значений дифференциальными семами, эксплицированными в данном контексте различием мотивировки и лексически едиными объектно-обстоятельственными уточнениями *друг друга, один в другой и друг с другом*.

Функция уточнения наиболее отчётливо проявляется в цепочках метафор, соединённых союзом **или**. Очень интересен следующий контекст, в котором автор, Б. М. Гаспаров, использует три пары таких синонимов: *Результирующая фраза образовалась не столько как «построение», составленное из соединения целых элементов, сколько как своего рода фузия или коллаж. Высказывание в процессе его развёртывания как бы «соскальзывает» или «перетекает» от одного стационарного фрагмента к другому. Смежные фрагменты в его составе не просто следуют один за другим, но сливаются или срastaются друг с другом; границы каждого исходного фрагмента растворяются в этих сращениях* [3, С. 167] – в первой паре авторских метафор с интегральной семой 'соединение разнородных элемен-

тов' сближаются понятия разных областей, перенесённые на языковую деятельность и дополняющее друг друга семами 'взаимопроникновение' (*фузия*) и 'наложение' (*коллаж*); во второй паре авторских метафор-сравнений интегральная сема 'смещение' дополняется семами 'плавное' (*соскальзывает*) и 'зыбкое' (*перетекает*); в третьей паре языковых метафор с общей семой 'образовывать единства' первый синоним подчёркивает исчезновение границ, что подтверждается в продолжении фрагмента метафорой *растворяются*.

Последовательность прямого и метафорического значений в однородном ряду нередко направлена на **интенсификацию смысла**. В следующих двух примерах из книги М. Б. Гаспарова такой приём используется, в частности, в **текстообразовании**. При этом в синонимические отношения могут вступать метафоры, которые в узусе синонимами не являются. Примером может служить синонимия многократно повторяющихся на протяжении всего текста Б. М. Гаспарова метафор *текущий* ('часто меняющийся') и *летучий* ('быстро проходящий, кратковременный, преходящий'), а также их производных *текучесть* и *летучесть*. Ср.: *...языковой мир... со всей его летучестью развёртывания и размахом ассоциативных скачков...* [3, С. 14]; *Но многие такие оценки смазаны и приблизительны, и все они отличаются подвижностью и текучестью* [3, С. 101]; *...открытый, разнонаправленный и текуче-неустойчивый характер языкового существования...* [3, С. 13]; *Осознанию высказывания как обозримого целого противопоставит неисчерпаемость и летучая неустойчивость той мнемонической среды, в которой и благодаря которой такое осознание происходит* [3, С. 319]. Метафорическая синтагма *летучая неустойчивость* встречается в тексте неоднократно и является по сути плеоназмом, поскольку определяемое существительное используется тоже в давно утратившем образность, но генетически метафорическом значении (*неустойчивый* – '2. Часто меняющийся; непостоянный', а определение лишь добавляет компонент 'быстро' [МАС]).

В другом случае тот же Гаспаров, описывая вводимое им понятие коммуникативного контура, выстраивает текстовый синонимический ряд из метафор *веха, эпицентр* и сравнений *как бы пунктиром, как от отправных пунктов*: *В коммуникативном контуре с самого начала уже проглядывает, намечаемое как бы пунктиром, будущее готовое высказывание. Его опорные компоненты служат «вехами», отмечающими те очертания, которые должен принять процесс развёртывания словесной ткани. От них, как от отправных пунктов, исходят ассоциативные импульсы, притягивающие языковой материал, призванный заполнить все лакуны в контуре и воплотить его в полное высказывание* [3, С. 196]; *От этих эпицентров концентрическими кругами расходятся выражения и ходы развёртывания...* [3, С. 198]. Во всех членах

синонимического ряда актуализована сема 'движение', хотя её место в значениях синонимически сближенных слов очень различно, а само движение не только линейно (*пунктир, вехи*), но и разнонаправленно, обусловлено ассоциативными связями (*отправной пункт, эпицентр*).

Метафорические переключки в текстах разных авторов, свидетельствующие о преемственности научных позиций, позволяют перейти на следующий уровень анализа – **интертекстовый**. В соответствии с темой статьи нас интересуют переключки не отдельных метафор, а метафор-синонимов.

Чем важнее воплощённое в когнитивной метафоре свойство языка, тем обширнее синонимический ряд, начало которому может дать общеязыковая и практически угасшая метафора, например, *сливаться* и *слияние*. Эта метафора есть в переводах В. Гумбольдта, а у А. А. Потебни **слияние** становится психологическим термином: *Основные законы образования рядов представлений – это ассоциация и слияние <...> Слияние, как показывает самое слово, происходит тогда, когда два различных представления принимаются сознанием за одно и то же. Новое восприятие, сливаясь с прежним, непременно или вводит его в сознание, или, по крайней мере, приводит в непонятное для нас состояние, которое назовём движением* [7, С. 120-121]. Обозначая одно из важнейших психологически обоснованных свойств языка и речевой деятельности – постоянное и глубокое взаимодействие языковых элементов – метафора *слияние* в **гносеологической функции** оказывается уже недостаточной и обрастает метафорами-синонимами. Но у разных авторов этот внутритекстовый синонимический ряд, во-первых, может совпадать лишь частично, а во-вторых, иметь нетождественную референцию при общности сигнификата.

Обратимся к сравнению. В работах В. В. Виноградова, попавших в круг нашего внимания, обнаружены следующие синонимичные метафоры: **слияние, смешение, пересечение, скрепление, сплетение, внедряться / внедрение, вливаться, влетаться, растворяться, перекрещиваться**. Все приведённые далее примеры связаны с характеристикой языка «Жития протопопа Аввакума» и сказа: *Архетипически-церковные стилистические построения внедряются в разговорную стихию* [3, С. 9]; *Вследствие этого происходит пересечение двух рядов символов с совершенно различной эмоциональной окраской...* [2, С. 15]; *...церковнославянизмы здесь растворяются, получая непривычную семантическую характеристику* [2, С. 20]; *уменьшительные в большом количестве влетаются в словесный узор, выполняя различные функции* [2, С. 21]; *...эти бытующие формы устной речи (которые вливаются в письменный язык и сами включают в себя его элементы)...* [2, С. 45]; *...формы сказа открывают широкую дорогу причудливым смешениям разных диалектических сфер с разными жанрами письменной речи* [2, С. 49]; *Созна-*

тельное конструктивное пересечение разных языковых сфер... [2, С. 49]; *Сказ, как к пределу, стремится к иллюзии слияния своего с устными повествовательными монологами...* [2, С. 51]; *Но стилистические функции сказа заключаются не только в сплетении книжных форм с отражениями живого говорения, не только в смешении синтаксических схем книжной и разговорной речи...* [2, С. 52].

Основная мысль книги Б. М. Гаспарова, который «через полвека воспринимает на концептуальном уровне идеи Виноградова о языке» [6], – постоянная изменчивость, неустойчивость языковой памяти, обеспечивающей наше **языковое существование**. Эта идея реализуется учёным-филологом с использованием поистине огромного массива метафор, среди которых первое место занимают языковые и индивидуально-авторские метафоры с общей семой 'постоянная изменчивость'. Однако аналогичная виноградовской цепочка метафор-синонимов с интегральной семой 'взаимодействие' имеет у него иную сферу референции (языковое существование в целом и коммуникативный фрагмент как основной его элемент) и лишь частично совпадающий состав: **сливаться / слияние, переплетение, пересечение, растворяться / растворенность, сплавленность, напластование, фузия, вращать / вращание, перетекать, впаляться, абсорбировать**: *В памяти говорящего накапливаются прецеденты слияний между всеми этими выражениями, в различных вариациях* [3, С. 172]; *...сплавленность его* [коммуникативного фрагмента] с другими КФ в конгломерате языковой памяти, **растворенность** в непрерывном континууме **наслоений и пересечений** с другими фрагментами [3, С. 144]; *...коммуникативные фрагменты, вращая в ткань высказывания, хотя и модифицируют свои свойства, но не растворяются в ней полностью* [3, С. 169]; *Получившееся в результате новое единство представляет <...> непрерывный континуум, абсорбирующий каждое из вошедших в его состав стационарных выражений* [3, С. 167] – **абсорбировать** '2. перен. снижать эффект чего-либо или полностью затупить какой-либо процесс (в результате поглощения)' [Викисловарь].

Продолжим сравнение метафор-синонимов на интертекстовом уровне, отталкиваясь от метафорического употребления однокоренных слов и словоформ **замкнутость, замыкать, замкнутый, замкнуто** в тематически различных текстах В. В. Виноградова. В статье «Основные типы лексических значений слова» (1953) метафоры этого ряда используются для характеристики фразеологически связанного типа значений: *Многие значения замкнуты в строго определённые фразеологические контексты...* [1, С. 175]; *Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения ещё теснее замыкает его в рамки немногочисленных ФС...* [1, С. 188]; *...степень тесноты, замкнутости и слитности фраз <...> могут быть очень*

разными [1, С. 181]. Как видно из приведённых примеров, метафора может употребляться или отдельно, или в составе устойчивого выражения, или в цепочке метафор-синонимов с уточняющей функцией, внутри которой метафора *замкнутость* актуализирует смысл непроницаемости для других лексических компонентов – ‘обособленный, недоступный для других’.

В статье «О художественной прозе» (1930) эта метафора с иной референцией – художественный текст – регулярно сопровождает, уточняя и усиливая, характеристику *целостности* текста и индивидуального стиля писателя. Виноградов пишет «о типах словесного образования литературно-художественных “объектов” как *целостных, замкнутых в себе структур*» [2, С. 70]; художественное произведение рассматривается им «как *единоцелостная форма, как символ, смысловые разреzenia которого трансфинитны, но замкнуты в строго очерченную сферу*» [2, С. 94]. Ср. также: *Познать индивидуальный стиль писателя <...> целостно и замкнуто, как своеобразную структуру словесных форм в их эстетической организованности* [2, С. 92].

М. Б. Гаспаров развивает учение Виноградова о языке художественных произведений с учётом тех знаний о тексте вообще и о художественном тексте в частности, которые сложились к концу XX века. Трансформами-синонимами виноградовской метафоры *замкнутость* становится целая серия метафор с интегральной семьей ‘закрывать’: *замкнутый, заключённый, запёртый, рамка, камера, упаковка*, при этом доминантой становится авторская метафора *герметический*, интенсифицирующая признак ‘абсолютно недоступный влиянию извне’, ‘непроницаемый’. Интенсификации служит также двойное и даже тройное семное дублирование в составе словосочетаний: *...смысл оказывается заключённым в герметическую «упаковку», очертающей которой определяются конфигурациями именно этого материала* [3, С. 293]; *Осознание сообщения как «текста» как бы накладывает герметическую рамку на весь входящий в это сообщение и пропитывающий его смысловой материал. Сколь бы разнообразным и бесконечно обширным ни был этот материал – он оказывается «запертым» в рамке того, что нами осознаётся как «текст» <...> В этой своего рода семантической «камере» каждый попадающий в неё элемент вступает в непосредственную связь с множеством таких элементов, с которыми он никогда бы не вступил в контакт вне данного, неповторимого и уникального целого <...> Процесс этот [интерпретация текста] никогда не останавливается и развёртывается в бесконечность; но в то же время он имеет герметически замкнутый характер, поскольку весь смысловой материал, актуализированный смысловой индукцией, *втягивается в герметические рамки текста и получает всё новые индуцирующие импульсы в результате взаимодействий, возникающих благодаря «спрессовывающему» воздействию этой рамки* [3, С. 327-328]*

Завершим статью описанием ситуаций **терминологизации метафор-синонимов**, используя в качестве иллюстрации выборку статьи Ю. С. Степанова «Концепт», где раскрывается содержание понятия *культурного концепта*, ставшее базовым для культурологов. Более выразительная и более конкретная, чем общенаучный термин *компонент*, авторская метафора *слой*, восходит к прямому значению ‘пласт чего-л., лежащий в ряду других пластов’ и становится термином, актуализируя смысл ‘разновременность образования’: *Итак, мы обнаружили здесь три компонента, или три «слоя», концепта <...> С такими же компонентами, или «слоями», мы будем иметь дело в других концептах и явлениях духовной культуры вообще и современной русской в частности* [10, С. 47]. В дальнейшем метафора *слой* утрачивает кавычки, что свидетельствует о завершении процесса терминологизации: «*Пассивный*», «*исторический*» *слой концепта*... [10, С. 53], но появляется его синоним *пласт*: *...историк концептов культуры, комбинирует все три, используя их соответственно в трёх различных пластах содержания культурных концептов <...> Определение концепта, как мы это выше обрисовали, складывается из исторически разных слоёв, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике...* [10, С. 60]; *...следующие три группы примеров соответствуют, в общем, этим хронологическим пластам значений* [10, С. 62].

При наличии синонимии метафор *слой / пласт* права термина приобретает именно первая метафора, что объясняется, на наш взгляд, возможностью образования производного прилагательного *слоистый* (при невозможности подобного образования от слова *пласт*), закрепившегося затем в составном термине «слоистая структура концепта»: *...концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох...* [10, С. 49]. В последнем контексте метафора *осадок* развивает смысл ‘происхождение, генезис’ ‘слоистости» концепта.

Особенно наглядно процесс становления терминологии обнаруживается при рассмотрении Ю. С. Степановым метода описания концептов, где поиск термина их серии метафор-синонимов *сфера* (‘Область какой-л. деятельности, проявления каких-л. отношений, интересов и т.п.’ [МАС]), *область* (‘...сфера, круг каких-л. представлений, занятий и т. п.’ [МАС]) и даже *ряд* (с актуализацией семы ‘следующий один за другим’) открыто декларируется автором: *Поскольку изучение знаковых систем чаще всего называется семиотикой, мы назвали такое расположение концептов в ряды эволюционными семиотическими рядами* [10, С. 61]; *Такую сферу, точнее – каждую такую сферу (т. е. «ряд»), мы назовём «концептуализированной областью (сферой)»* [10, С. 67]; *Приведём как пример рассуждение самого Н. Я. Марра как раз в ограниченной сфере – одного функционального ряда (или, в нашей терминологии, одной концептуализиро-*

ванной области) [10, С. 72]. Варьирование метафорического компонента составного термина – один из важнейших признаков становления нового терминологического поля «культурный концепт».

Таким образом, описание синонимии метафор показывает, что во всех этих случаях (число которых можно без труда увеличить) происходит лексическое обогащение научного текста с функциями **пояснения, уточнения** (взаимоуточнения), **интен-**

сификации, а в крайних случаях – **терминологизации**. В научных текстах А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Б. М. Гаспарова, Ю. С. Степанова цепочки метафор-синонимов в однородном ряду, а особенно внутритекстовая синонимия и интертекстовые метафорические переключки выполняют **гносеологическую** и одновременно **коммуникативную функцию**, развёртывая и разясняя базовые понятия научной концепции и, соответственно, участвуя в текстообразовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 318 с. – Текст : непосредственный.
2. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы : избр. тр. / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 366 с. – Текст : непосредственный.
3. Гаспаров, М.Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / М.Б. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт, пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с. – Текст : непосредственный.
5. Мишанкина, Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н.А. Мишанкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с. – Текст : непосредственный.
6. Плисецкая, А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности : докл. на конф. «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г., Варна / А.Д. Плисецкая. – Текст : электронный // Coglab : вирт. лаборатория. – URL: <http://old.virtualcoglab.ru/html/Plisetskaya.html> (дата обращения: 29.01.2018).
7. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потерня. – Текст : непосредственный // Потебня, А.А. Слово и миф. – Москва : Правда, 1989.
8. Резанова, З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте / З.И. Резанова. – Текст : электронный // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – Т. 305, вып. 4: Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – С. 74–83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-protsessah-miromodelirovaniya-v-yazyke-i-tekste> (дата обращения: 20.02.18).
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва, 1981–1984. – Текст : непосредственный.
10. Степанов, Ю.С. Концепт / Ю.С. Степанов. – Текст : непосредственный // Степанов, Ю.С. Константы : слов. рус. культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2001. – С. 43–83.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Leksikologija i leksikografija: izbr. tr. [Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka, 1977. 318 p.
2. Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj literatury: izbr. tr. [About the language of fiction]. Moscow: Nauka, 1980. 366 p.
3. Gasparov M.B. Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 p.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. Ramishvili G. V. (ed.). Moscow: Progress, 1984. 397 p.
5. Mishankina N.A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? [Metaphor in Science: Paradox or Norm?]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 282 p.
6. Pliseckaja A.D. Metafora kak kognitivnaja model' v lingvisticheskom nauchnom diskurse: obraznaja forma racional'nosti: dokl. na konf. «Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike», 1–7 sentjabrja 2003 g., Varna [Metaphor as a cognitive model in linguistic scientific discourse: a figurative form of rationality]. *Soglab*: virt. laboratorija. URL: <http://old.virtualcoglab.ru/html/Plisetskaya.html> (Accessed 29.01.2018).
7. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk [Thought and language]. Potebnja A.A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda, 1989.
8. Rezanova Z.I. Metafora v processah miromodelirovaniya v jazyke i tekste [Metaphor in the processes of world modeling in language and text]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2002, vol. 305, vyp. 4: *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Language and intercultural communication: theoretical and applied aspects], pp. 74–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-protsessah-miromodelirovaniya-v-yazyke-i-tekste> (Accessed 20.02.18).
9. Evgen'eva A.P. (ed.) Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981–1984.
10. Stepanov, Ju.S. Koncept [Concept]. Stepanov Ju.S. *Konstanty: slov. rus. kul'tury* [Constants]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2001, pp. 43–83.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

И.С. Куликова, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: krokus34@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8705-2206.

Д.В. Салмина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: salminad@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9007-0613.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

I.S. Kulikova, Ph. D. in Philology, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, e-mail: krokus34@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8705-2206.

D.V. Salmina, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Russian Language Department, The Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, e-mail: salminad@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9007-0613.